

Никто не поверил словам Чжоу Даху. В конце концов, только что он сам утверждал, что был пьян. Такая грубая, неуклюжая клевета выглядела даже смешнее, чем обычное пьяное бормотание, и сельчане один за другим покачали головами. Чтобы такой хрупкий гер мог избить человека? Да скорее свинья на дерево залезет!

— Поверьте мне! — выпучил глаза Чжоу Даху, с самым что ни на есть искренним выражением лица. — Эти раны на лице - его работа, кровь же пошла! И ещё... он пнул меня туда... туда...

От стыда и унижения он так и не смог договорить.

Е Нин больше не стал оправдываться. Он избрал тактику отступления: слегка опустил голову, узкие плечи сжались внутрь, всё тело мелко задрожало, словно он и впрямь был напуган Чжоу Даху. В конце концов, геры ведь все нежные и хрупкие, а Нин-гер и подавно первый красавец деревни Цинтянь. Стоило лишь взглянуть на его лицо - кому пришло бы в голову кричать на него вот так?

Старшая госпожа дома Цзян твёрдо не верила, что Е Нин способен кого-то избить. С явным раздражением она приказала:

— Отведите к чиновникам.

— Отпустите меня!

— От-пус-ти-те! Я не пойду к чиновникам! Не пойду!

— Я старший сын семьи Чжоу! Мой отец вам этого не простит...

Чжоу Даху отчаянно вырывался и вдруг резким рывком отбросил одного из слуг. Глаза его налились кровью, лицо стало безумным, точно у того, кто наелся падали. Он сорвался с места и бросился к Е Нину:

— Ты, подлая тварь! Я тебя убью...

Е Нин вовсе не боялся Чжоу Даху. С его-то реакцией, да ещё и пытаться напасть исподтишка?

Однако прежде чем Е Нин успел что-либо сделать, Цзян Чансинь, всё это время стоявший перед ним, вдруг шагнул вперёд. Он не стал вступать в прямое столкновение с Чжоу Даху, но... «совершенно случайно» наступил тому на полу одежды.

— Ай-яй! — взвыл Чжоу Даху и, кувырком полетев вперёд, рухнул лицом в грязь, смачно хлебнув мутной воды. В тусклом ночном свете у него изо рта потянулось что-то липкое - кровь.

— Тьфу... — выплюнул он, голос его задрожал. — Зуб... зуб! Мой передний зуб...

Передний зуб был выбит.

Цзян Чансинь незаметно приподнял губы, но тут же снова принял своё привычное глуповатое выражение лица и, хихикая, захлопал в ладоши:

— Дурак! Дурак! Такой большой, а падает!

Цзян Чансинь, по сути, обвинил жертву первым, но ночь была слишком тёмной - никто не заметил его маленького «совпадения» и решил, что Чжоу Даху просто сам оступился, не удержал равновесие, и винить тут некого.

Е Нин с сомнением взглянул на хлопающего в ладоши Цзян Чансиня. Он не был уверен, не показалось ли ему, но тот шаг вперёд, сделанный молодым господином Цзян... был уж слишком удачным.

Слуги дома Цзян подняли Чжоу Даху с окровавленным ртом и, словно дохлую свинью, потащили прочь, прямо к чиновникам, не откладывая до утра. Лишь после этого собравшиеся сельчане начали понемногу расходиться.

Лицо отца Е сморщилось, будто после сильного удара: выражение было такое, словно он оплакивал покойника. Если старшего сына рода Чжоу увели к чиновникам, брак с семьёй Е был окончательно сорван. Потерять такого богатого родственника для отца Е это и впрямь было сродни трауру.

Мать Е же хлопала себя по бёдрам:

— Грех-то какой! Ох, грех!

Она грубо схватила Е Нина за запястье:

— Пошёл! Домой со мной! Уже и сбегать научился! Ты посмотри, что с крышей наделал! Вот вернёмся, там мы с тобой...

Она злобно пригрозила ему, но, заметив, что вокруг ещё есть люди, понизила голос и закончила:

— ...вот тогда я с тобой разберусь.

Однако сколько она ни тянула, Е Нин не сдвинулся с места. Не потому, что он был сильнее, а

потому, что кто-то схватил его с другой стороны.

Цзян Чансинь держал Е Нина за рукав. Он не коснулся его руки, ни на волос, ни на цунь кожи, лишь ухватился за край одежды и смотрел на него большими, жалобными глазами. Высокий, стройный, красивый, он при этом говорил и держался, как ребёнок, словно человек с незрелым, детским разумом.

— Не пущу! Не уйдёшь... не смей уходить.

Госпожа Цзян посмотрела сперва на сына, затем на Е Нина. Женщина она была проницательная и сразу поняла: лишившись столь выгодного «золотого» родства, отец и мать Е, вернувшись домой, непременно сорвут всю злость на Е Нине. А сам Е Нин - человек редкий: разумный, с чистым сердцем и ясным умом; к тому же только что спас её племянника. По совести, помочь ему было необходимо.

И кроме того...

Кроме того, Цзян Чансинь относился к Е Нину совсем не так, как к прочим. Материнскому глазу госпожи Цзян это было видно сразу, слишком уж очевидно.

Она шагнула вперёд, легко коснулась плеча сына, давая понять, чтобы он не упрямылся, затем сдержанно улыбнулась и обратилась к отцу и матери Е:

— Ваш Нин-гер спас моего племянника. За сегодняшнее происшествие мы должны поблагодарить именно его.

— Н-нет, что вы... — отец Е, человек, болезненно дорожащий репутацией, при посторонних не осмелился показать недовольство. Тем более перед такой знатной семьёй, как дом Цзян.

А ведь, как говорится, руку, протянутую с улыбкой, не бьют. Тем более если улыбается такая влиятельная и состоятельная дама, как госпожа Цзян.

Она продолжила:

— Уже поздно, и мне неловко выдвигать подобную просьбу, но... Нин-гер оказал огромную услугу моему племяннику. Есть некоторые подробности, которые мы хотели бы уточнить у него лично. Не могли бы вы позволить Нин-геру сегодня пойти со мной?

Заметив замешательство на лице отца Е, госпожа Цзян понимающе улыбнулась:

— Ах да, что это я... Чуть не забыла. Теперь Нин-гер - благодетель нашей семьи. Благодарность, разумеется, должна быть соответствующей. Если он пойдёт со мной сегодня, я как раз смогу

всё уладить и передать ему награду. Разве не так?

Глаза матери Е загорелись так, словно могли рассечь самую ночную тьму:

— Т-так... ещё и благодарственное вознаграждение?

Отец Е, словно стыдясь её жадности, резко одёрнул:

— Не веди себя так безобразно, не позорься на людях!

Матери Е пришлось отступить назад и немного умерить пыл.

Госпожа Цзян поняла, что нащупала верную «дверцу», и с улыбкой продолжила:

— Разумеется, будет и вознаграждение. Если бы не Нин-гер, разве наш Цянь-эр не пострадал бы ни за что? Семья Цзян, пусть и не великая знать, но что такое долг, справедливость и благодарность, мы понимаем ясно. Отплатить должны непременно, прошу лишь не счесть наш дар скромным.

Отец и мать Е заметно оживились, словно в груди у них запрыгала пугливая, но жадная крысиная душонка. Отец Е кивнул и бросил матери выразительный взгляд.

Мать Е тут же нетерпеливо подтолкнула Е Нина:

— Иди же! Ты что, не слышал госпожу Цзян? Быстрее, иди!

Словно боялась, что стоит ему замешкаться, и награда вдруг «похудеет».

Е Нина подтолкнули вперёд, к госпоже Цзян. Та взяла его за руку и внимательно оглядела с ног до головы:

— Посмотри на себя - весь промок. А телосложение у тебя слабое, так и простуду схватить недолго. Пойдём со мной, переоденешься, согреешься.

Затем она обернулась к отцу и матери Е:

— Тогда я заберу Нин-гера с собой. А завтра пошлю несколько момо и служанок, они и проводят его обратно.

Мать Е закивала так усердно, будто боялась упустить удачу:

— Хорошо, хорошо! Как же можно утруждать госпожу Цзян, пусть Нин-гер потом сам вернётся.

Госпожа Цзян больше не стала ничего добавлять и распорядилась стоявшей рядом пожилой служанке:

— Подайте Нин-геру зонт.

— Слушаюсь, госпожа, — та сразу шагнула вперёд и почтительно раскрыла зонт над Е Нином.

Вся процессия двинулась на север, обратно к усадьбе семьи Цзян.

После всех этих волнений уже стояла глубокая ночь. Едва они вошли в ворота усадьбы, госпожа Цзян тут же распорядилась:

— Посмотрите, все до нитки промокли. Скорее, приготовьте горячую воду. Пусть Нин-гер и Цянь-эр сначала умоются и искупаются.

— Слушаемся, госпожа, — отозвались слуги.

— И ещё приготовьте чистую одежду, обязательно новую, — добавила госпожа Цзян, окидывая взглядом фигуру Е Нина. — Телосложением Нин-гер почти такой же, как Цянь-эр. Возьмите две новые одежды, что я недавно велела сшить для Цянь-эра, и после купания пусть Нин-гер переоденется в них.

— Слушаемся, госпожа.

Отдав распоряжения с должной строгостью, госпожа Цзян смягчила тон и тепло обратилась к Е Нину:

— Ступай, умойся как следует. Ты, должно быть, сильно устал. Сегодня оставайся у нас, хорошенько отдохни.

В этот момент вперёд вдруг протиснулся Цзян Чансинь и, перебивая, пробормотал:

— Есть... еда... голодный...

Ранее он слышал от Чжан Чжиюаня, что Е Нина целый день держали взаперти, а отец и мать Е оказались настолько жестокими, что не дали ему ни капли воды, ни крошки еды. Как можно выдержать голодовку целый день?

Госпожа Цзян вдруг всё поняла:

— Ах да, верно. Тогда пусть кухня приготовит ещё и поесть - что-нибудь горячее.

Е Нин с удивлением посмотрел на Цзян Чансиня. Он и правда был голоден, но после жизни в апокалипсисе голод и лишения стали для него делом привычным, он умел терпеть. И всё же этот «простодушный» юноша заметил это раньше других?

— Благодарю вас, госпожа Цзян, — тихо сказал Е Нин.

Улыбка госпожи Цзян стала ещё теплее:

— Ступай, ступай.

Е Нин и Цянь-гер последовали за служанками вперёд - готовиться к купанию. Они ещё не успели далеко отойти, как госпожа Цзян уже нетерпеливо схватила Цзян Чансиня за руку и, понизив голос, спросила:

— Синь-эр, скажи матери правду. Почему ты так защищаешь этого Нин-гера?

Почему?

Цзян Чансинь слегка прищурился. Ночь была слишком густой и тёмной, и даже такая проницательная женщина, как госпожа Цзян, не заметила в сыне ничего необычного.

Почему ещё? Он не хотел, чтобы в будущем императрица Ван держала его на коротком поводке, не хотел, чтобы рядом с ним кишели её соглядатаи. К тому же мать всё время подыскивала ему супругу, а сейчас ему как раз нужен был формальный фулан просто для вида.

Если оглядеться по всей деревне Цинтянь, лучшего варианта, чем Е Нин, не найти. Е Нин не хотел выходить за Чжоу Даху, а отец и мать Е спешили поскорее «пристроить» сына. Цзян Чансинь решил перехватить инициативу и опередить семью Чжоу.

Обычный человек на такой щекотливый вопрос наверняка стал бы увиливать и говорить намёками. К счастью, сейчас Цзян Чансинь был «дурачком». Он убрал из взгляда всю остроту, расплылся в глуповатой, простодушной улыбке и, ни разу не запнувшись, громко и отчётливо, так, что ещё не ушедший далеко Е Нин прекрасно всё услышал, заявил:

— Нравится! Нравится Е Нин!